

АННА
ВЕММЕР

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

МЫ НИКОГДА
ДРУГ ДРУГА
НЕ ЛЮБИЛИ

Анна Веммер

Мы никогда друг друга не любили

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67768850

SelfPub; 2022

Аннотация

Он – яд, он – камень, его сердце изо льда. И до сегодняшнего дня он был моим мужем. Спустя долгих пять лет жизни с Виктором Островским, мужчиной, брак с которым стал наказанием, я наконец-то добилась развода. Теперь мы сами по себе. Он старше, богат и не привык к отказам, а я должна научиться жить по-настоящему. Я верила, что нас связывали лишь ошибки прошлого. Но только после развода выяснилось, что я почти не знала мужа. И, кажется, совсем не знаю себя.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	19
Глава третья	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анна Веммер

Мы никогда друг друга не любили

Глава первая

Виктор

Я – не положительный герой. Это уж точно.

Во многом из-за того, что среди тех, чей поздний подростковый возраст пришелся на девяностые, положительных мало. Мы зубами выгрызали себе место под солнцем. Мы бились насмерть, плевали на закон, с легкостью отбрасывали моральные ценности. И творили историю. Не романтизируйте эту фразу, история бывает разной, но чаще всего – кровавой. Мы творили именно такую, и я этим не горжусь, но и не вижу смысла стыдливо замалчивать, делая вид, будто состояние и бизнес у меня появились как в сказке из инстаграма: путем упорной работы и веры в себя.

А еще я любил одну женщину. А сейчас ненавижу ее дочь. Свою жену.

Вот поэтому я и не герой.

Я не могу на нее смотреть, ведь она – копия матери. Те же каштановые мягкие кудри, те же губы, и даже шрам, черт

подери, на том же месте возле верхней губы – чистое совпадение, но какое-то магическое. Та же точеная фигурка, большие глаза и высокие скулы. Эти скулы как дорогая специя к изысканному блюду: мне чудится в облике жены нечто восточное. Кажется, среди ее пра-пра и вправду затерялся кто-то с необычной для наших мест внешностью. Ее это не портит. Выделяет из массы однотипных тюнингованных девиц, это несомненно, но точно не портит.

Но я все равно не могу на нее смотреть. Слишком злит, слишком больно, как будто внутри кто-то проворачивает раскаленный прут. Надя, моя любовь, мое наваждение и проклятье. Мы познакомились, когда мне было двадцать, а ей едва исполнилось восемнадцать. Красивая история: невинная дочурка дипломата, студентка-переводчица и парень-бандит, которого одновременно и боялись и хотели ее подружки. Мы влюбились до потери пульса, до грязного секса в подъездах, до общей мечты уехать к морю.

К морю не получилось. Однажды я пришел, а Нади нет. Просто нет, и все.

– Нет ее, уехала, – буркнул новый владелец здоровенной пафосной квартиры в паре шагов от Невского.

– Куда? – тупо спросил я, до конца не осознавая смысла его слов.

– Понятия не имею. Уехали и все. А квартиру продали.

Вот так закончилась любовь всей моей жизни. Никакой эпичной развязки, никакой перестрелки, никакой трагич-

ной беременности. Думаю, родители Нади просто узнали, что дочь связалась с детдомовцем-отморозком, вот и спешно увезли ее подальше. Я пытался ее найти, видит бог, пытался. Мы даже влезли в канцелярию универа, чтобы выяснить, куда она перевелась, но в те времена с документами царил такой хаос, что родителям Нади даже не нужно было прятать следы, это успешно делали за них раздолбайство и нищета. Всем было плевать.

Стало вскоре и мне.

Она умерла – так я решил для себя. Девяностые прошли, а с ними и бурная юность. Из Витого я превратился в Виктора Викторовича, из бандита – в бизнесмена, олигарха и политика. С политикой, правда, не сложилось, зато появились связи и строительная компания «Остров Девелопмент» прочно укрепила позиции.

«Она умерла», – повторял себе каждый раз, когда заводил интрижку с очередной моделькой.

«Она умерла», – произносил это вслух, сидя перед камином в загородном доме.

«Она умерла», – смотрел на ее могилу во сне.

Нади не существовало, она была призраком, воспоминанием. Разъедающим душу, изматывающим. Порой хотелось выть от того, что я больше не в силах чувствовать хоть вполнину так же ярко, как тогда, с ней. А порой я смеялся сам над собой, потому что если бы кто-то сказал моему окружению, что Виктор Островский страдает по студентке из юно-

сти, то это приняли бы за дурацкую шутку.

Иногда – это были самые сладкие мгновения – мне казалось, что я ее забыл.

Но однажды...

Пять лет назад я окунулся в кошмар наяву, хотя поначалу этого даже не понял. Что это было? Вечеринка? Какая-то конференция? Я смутно помню, но помню одно: организатором выступал Леонид Рогачев, довольно серьезная в наших кругах фигура. До этой встречи мы не пересекались, но были друг о друге наслышаны. Я надеялся заручиться его поддержкой для выхода на иностранные рынки, и до поры до времени все шло прекрасно.

А потом я надрался. Вместе с другом мы напились до зеленых чертей, и в самом этом факте не было ничего предосудительного: не мы одни, на такие сборища едут в том числе и до этого. Весь загородный отель гудел и пьяненько подпевал песням из бара. Но только я, уползая к себе в номер, встретил призрака.

Она, Надя, растерянно стояла посреди коридора, и хлопала себя по карманам. Это совершенно точно был призрак, ведь за восемнадцать лет женщина просто обязана измениться! Я изменился, из юнца превратился в мужчину, заимел несколько шрамов и все чаще плевал на отрастающую щетину, а она осталась такой же, как была.

В светлом платье, босая, Надя стояла почти возле самой двери моего номера и морщила нос – верный признак того,

что собиралась заплакать.

– Ну вот, я, кажется, ключ потеряла... – хныкнула она.

До меня даже не дошел смысл ее слов, пьяный мозг пришел к единственному верному выводу: это очередной сон. Еще одно наваждение, холодные руки потерянной любви дотянулись и сомкнулись у меня на горле. Еще никогда она не являлась мне во сне живой.

Я протянул руку, коснулся ее щеки пальцем – и Надя отшатнулась, будто не узнала меня и даже испугалась. Но она должна была узнать. Большие серые глаза смотрели прямоком из прошлого, и словно не было этих двадцать лет. Словно я не вытравил ее из сердца алкоголем, доступными девушками и спортом. Словно я не выгрыз себе это чертово место под солнцем, я стоял перед ней, чувствуя себя тем парнем, который в миг растеряв всю крутость, стоял возле ее дома и пытался осознать простую истину.

«Нади больше нет».

Я помню ее губы, в которые впился поцелуем.

Помню руки, хрупкие запястья, которые сумел обхватить одной ладонью.

Помню пьянящий запах ее духов и бархатистую кожу.

Помню ее в своих руках, помню, как сорвало крышу от ее близости.

Горло словно сдавила невидимая рука, я так и не решился произнести ее имя, боясь, что сон закончится. Потребуется расплату похмельем, а я совершенно не готов отпустить

свою девочку.

Я помню, как проваливался в темный омут глубже и глубже, помню ощущение ее волос между пальцами. Помню грозу за окном.

Помню, как клялся себе, что больше не отпущу ее, даже если для этого придется остаться во сне навсегда.

Но совсем не помню, как она сопротивлялась, плакала и умоляла меня остановиться.

Совсем.

Зато хорошо помню все, что было после. Конечно, девчонка побежала к отцу, едва я в пьяной горячке отключился. Конечно, ее отец едва не пристрелил меня на месте, но знаете, что самое смешное? Я искренне считал, что времена, когда сильные мира сего жертвовали всем ради наживы, давно прошли, но оказывается прошлое не готово отпускать ни страну, ни ее детей.

Леонид Рогачев предложил мне выбор.

– Женишься. Если залетела – рожаете ребенка и для всех играете счастливую семью. Мне скандалы не нужны, и позор тоже.

Я не мог смотреть на девчонку, которая сидела в соседнем кресле, опустив голову, но кожей чувствовал ее страх и обиду. И внутри даже что-то шевелилось. Что-то, похожее на жалость или сожаление, хотя эти чувства, как я думал, давно умерли вместе со способностью к эмпатии. Эта девушка, лишь похожая на мою Надю, еще не понимала, как в угоду

выгоде можно принести в жертву собственную дочь.

Леонид Рогачев и Надя поженились буквально через год после ее переезда. Между ними не было особой любви, но была дружба, а это для брака – уже фундамент. Две влиятельные семьи объединились, и в одной из них выдохнули. Беспризорный мальчишка был забыт. Буквально сразу Надя забеременела, а вскоре супруги узнали, что ждут девочку.

– Надька хотела красивое имя. Она вообще жила мечтами. Книжками всякими. Сказала, хочу назвать дочь Авророй. Как богиню утренней зари. Назову Авророй, и мы уедем жить к морю. Мы тогда с ней жутко поругались. Какое море? Работа, бабло с неба не сыплется, только отвернешься – уже сожрали. Это ты думаешь, что после девяностых стало проще. А я тебе, Виктор, так скажу: никуда твои девяностые и не уходили. Да и что это за имя? Аврора! Как ее в школе дразнить будут?! Крейсером?!

Все это рассказывал Леонид уже перед смертью, когда я спросил, как надо ненавидеть дочь, чтобы выдать ее за меня.

– Сказал, будет Машкой. А на следующий день Надюшу увезли на скорой. Дочка родилась недоношенная, а Наденьку не спасли. И ты знаешь, я на нее смотрел... на жену, на дочку в кувезе. И понял, какой я был дурак. Я думал, что если дам дочери имя, которое Надя хотела, хоть немного искуплю вину. Но она росла, становилась ее копией и...

Он устало махнул рукой и отвернулся. Я смотрел на человека, с которым мы любили одну женщину, и понимал, что

оба ненавидим ее дочь. Это открытие потрясло меня так же, как осознание, что ночь с Надей не была сном. Что вместо нее в моей постели была Аврора, и что с этого момента вся жизнь пошла наперекосяк.

– Причина развода?

Я стряхиваю оцепенение, возвращаясь в реальность, и смотрю на бумаги в руках сотрудницы ЗАГСа.

– Не все семьи счастливы, – слышу голос жены. – Мы поняли, что не подходим друг другу...

Аврора

В руках этой женщины, сотрудницы ЗАГСа, мое будущее. Больше всего я боюсь, что придется отвечать на вопрос «Причина развода?», и отвечать честно. Потому что никто не осуждает женщин так, как другие женщины. Мои нервы натянуты, как струна. Если сейчас, спустя пять лет, я вновь услышу «сама виновата», то, наверное, совершу непоправимую ошибку.

То ли дело будущий бывший муж. Виктор Островский совершенно спокоен по одной простой причине: ему плевать. Он и пришел сюда лишь потому что я пригрозила в поисках заработка на свободную жизнь пойти по телеканалам с откровениями бывшей жены олигарха.

– Причина развода? – спрашивает женщина.

Она, наверное, должна убеждать нас не рубить сгоряча. Или ей просто любопытно.

– Не все семьи счастливы, – улыбаюсь я. – Мы поняли, что

не подходим друг другу. У нас совершенно разные взгляды на жизнь.

– Имущество?

– Разделили любовно, вот соглашение.

– Дети?

– Детей нет.

Если бы эта женщина в мантии знала, что мы делили постель лишь единожды, и с тех пор в моей жизни не было ни одного мужчины, она бы немедленно шлепнула печать «Свободна!». Ну или как вообще принято разводить.

Долгая минута – регистратор перебирает документы. Она кажется мне вечностью.

– Свидетельство заберете через месяц, придет уведомление.

Я удивленно моргаю. Наверное, я ожидала чего-то другого. За пять лет я так часто думала о разводе, что реальность не дотянула до ожиданий.

– Что, думала, зазвучит торжественная музыка, и вынесут торт? – фыркает муж.

Бывший.

Бывший муж.

Мне нужно выпить.

Мы выходим из ЗАГСа по привычке, вместе, но самое главное, что он сейчас сядет в свою машину, а я... я попробую добраться на метро. Мне только предстоит найти жилье, понять, как и где я смогу заработать на жизнь, а еще распо-

рядиться деньгами, которые достанутся мне после развода. Они небольшие, но даже их можно использовать, чтобы выжить.

Островский не удостаивает меня напоследок даже взглядом, быстро идет к машине – и внедорожник срывается с места. Накрапывает легкий дождь, а я стою на ступеньках и пытаюсь осознать себя в новом мире.

В мире, где красавицу больше ничто не связывает с чудовищем.

– Когда я съехала от родителей, то в первые дни меня накрыло эйфорией, – делилась как-то подруга. – Я стояла перед океаном свободы! Можно было есть, что захочу, пить, курить на кухне, ложиться спать под утро. Потом, конечно, я пришла к овсяночке по утрам и отбою как в пионерлагере – в девять. Но до сих пор помню этот восторг открывшихся возможностей. После развода ты почувствуешь то же самое.

Она оказалась права. Я стояла на ступеньках ЗАГСа и хотела смеяться в голос. Не то чтобы кто-то запрещал мне гулять, развлекаться и ходить туда, куда хочется. Просто тень Виктора Островского, страх перед ним не давали расправить плечи.

Когда он проходил по коридору, я опускала глаза и тенью старалась прошмыгнуть мимо.

Вслушивалась в звуки внизу прежде, чем спуститься к завтраку.

Делала вид, что сплю, если он ужинал дома. Хотя это слу-

чалось редко.

Иногда у мужа появлялись постоянные девушки, и я выдыхала, но кошмары о том, что однажды он вспомнит о законной жене и потребует постель, преследовали меня пять лет. Наконец-то они закончились, теперь Виктор Островский ко мне точно не прикоснется.

Я иду в ближайшую кофейню и теряюсь, стоя перед витриной ярких пирожных. Никогда не была в таких кафешках. Папа предпочитал заведения гораздо выше уровнем, а экономка виртуозно готовила любые десерты. Если я хотела эклер – я получала его к ужину, если хотела немедленно – его привозили из ресторана. Милые студенческие кофейни прошли мимо меня.

А зря. Здесь довольно уютно: нежно-розовые стены с постерами, живые цветы на столиках. Я выбираю лавандовый тарт с капучино и сажусь в углу, возле окна, чтобы можно было любоваться живописной улочкой.

Пока несут заказ, открываю чат с девчонками.

«Ауууу!»

«Ты все? Чего молчишь?! Как дела?!»

Девочки волнуются. Они – мой мотиватор и якорь. Мы ни разу не виделись в реальности, но именно эти две девчонки поддерживали меня с тех пор, когда стало ясно, что отцу осталось недолго. Помогли справиться с его смертью, поддержали решение о разводе и вместе со мной пережива-

ли подготовку к нему.

«Все ок», – пишу я. – «Прошло без проблем. Сели, подтвердили заявление, подписали, сказали приходить через месяц».

«Ну это всегда так. Развод – дело недолгое, но они обязаны давать время на примирение».

«Упаси боже». – Меня передергивает даже от абстрактной мысли о примирении с Островским.

Да и о каком примирении речь? Мы даже не ссорились. Просто он ненавидел меня за вынужденный брак, а я его – за встречу в загородном отеле, которая разделила жизнь на «до» и «после».

«Девочки, я предлагаю это отметить и наконец-то встретиться в реале!».

Мое сердце начинает биться чаще. Я очень, **ОЧЕНЬ** хочу сходить куда-нибудь с новыми подругами. Я хочу, черт возьми, начать жить!

«Ава? Ты как?».

«Я ЗА! Только девочки, мне жить негде и нечего надеть... я собиралась сегодня подыскать квартиру, а на следующей неделе отправить за вещами курьера. Вы не знаете какой-нибудь недорогой отель? Тысяч за 7 максимум?».

«Недорогой. Ха-ха-ха. 7 тысяч. Недорогой – это 700 рублей. А за 7 предлагаю «Элит-Эдеа-Хотел». Там внизу же есть ночной клуб, можно будет там и бухнуть.»

Я быстро смотрю предложенный Ритой отель, выбираю

стандартный номер и бронирую. Душа поет от приятного предвкушения праздника. И, хотя я до дрожи не люблю отели, стоит признать, что вариант с охраняемой гостиницей куда лучше непонятно какой квартиры. Мне нужна передышка.

«А какое-нибудь платье я тебе привезу», – пишет Инна. – «Нефиг тратиться на одноразовую шмотку. Тебе теперь, Аврора-в-замужестве-Островская, надо экономить».

– Ваш эклер и капучино, – улыбается миловидная официантка.

Лаванда и кофе.

Дождь и свобода.

Надежда на светлое будущее и... вера в то, что темное прошлое прошлым и останется.

Уже через час я стою посреди небольшого, но чистого номера, смотрю в окно, на оживленную улицу, неспешно тяну прохладную воду. Скоро приедут девчонки, мы наконец-то познакомимся в реальности, нарядимся, сделаем друг другу прически – и отправимся в клуб. Я никогда не бывала в таких местах, но уже успела погуглить и... выглядит волнительно. Пожалуй, мое настроение сегодня – именно танцевать и пробовать коктейли.

Но я все же немного волнуюсь перед встречей, поэтому купила бутылку шампанского. И как универсальное успокоительное, и как благодарность девочкам за поддержку. Когда они – яркая рыжеволосая Инна и не менее яркая, «тюнинг-

ванная» с ног до головы, Рита с шумным смехом поднимаются в номер – бутылка становится главным героем.

– Так, моя дорогая, – Рита осматривает меня с ног до головы, – конечно, первым делом снимаешь жилье и налаживаешь быт. А вот потом начинаешь брать от жизни все. Записываешь? Запоминай! Сделаешь мелирование и ботокс волос, потом подкачаешь губки, отрастишь коготки, сменишь гардероб и возьмешь себе путевку в Турцию. Там подцепишь симпатичного красавчика, как из фильма «365 дней»...

– Он итальянец, – вставляет Инна, занятая открытием бутылки.

– Да хоть монгол! Главное, горяч и после бурной ночи никогда в жизни не найдет улицу Орджоникидзе. Он это даже не выговорит, а значит, Ава в безопасности. Только не давай ему свой инстаграм.

– У меня нет инстаграма, – тихо говорю я.

– Тогда это тоже запиши. Завести инстаграм и выкладывать туда красивые фоточки. Чтобы бывший сдох от злости!

– Я бы предпочла, чтобы он не вспоминал о моем существовании.

– Тогда тем более надо сделать инстаграм! И заблокировать его там!

Я не знаю, есть ли у Островского инстаграм, но сильно в этом сомневаюсь. Хотя Риту вряд ли это интересует, она болтает без умолку. Отчасти их напор и энергия меня пугают, но это то, что сейчас нужно. Веселая компания и новые

впечатления. Правда, на фоне ярких девчонок, я кажусь себе серой мышкой с большими испуганными глазищами.

Это же подтверждает Рита:

– И как ты, будучи женой олигарха, умудряешься выглядеть, как отличница приходской школы?!

С громким хлопком Инна открывает шампанское. Я невольно вздрагиваю, но тут же смеюсь. У нас нет бокалов, я даже не думала, что их нужно купить. Поэтому мы с Ритой пьем из отельных кружек, а Инна – прямо из горла. Пена попадает подруге в нос, и она смеется и кашляет одновременно.

– Ну, за новую жизнь Авроры! – провозглашает Рита.

Инна добавляет:

– Жизнь без бывшего мужа!

Глава вторая

Виктор

Лобби-бар отеля в семь часов вечера уже наполняется посетителями. В основном это парочки, но встречаются и командировочные одиночки, высматривающие свободных раскрепощенных девиц. Я бы на их месте спустился в цоколь, в ночной клуб, там шансы снять кого-нибудь выше. Хотя клуб еще, пожалуй, закрыт.

– Островский!

Старый друг ничуть не изменился, только татуировок стало еще больше. Когда-то мы хорошо дружили, практически считали друг друга братьями, но судьба развела в разные стороны. Его – в сторону Европы, где осталась семья, а я остался в России. И хотя формально я был женат, назваться семьянином мог только в фантастическом приступе белой горячки.

– Какими судьбами? – спрашиваю, садясь за столик. – Глеб Каренин и отель? Ты же их ненавидишь.

– Конкретно этот я хочу купить. Поэтому для начала разведываю обстановку.

– А ты не сидишь на месте. Есть бизнес, в который твоя семья не запустила лапы?

– А то, – усмехается Глеб, прихлебывая ром, – твой.

– И не надейся.

– Ладно, ладно, расслабь булки, я шучу. Как дела? Как здоровьице?

Официант приносит комплементарный аперитив и, хоть делать этого и не стоит, я с наслаждением глотаю пряный ром на голодный желудок. Выпить хочется с самого утра, наконец-то по телу разливается приятное тепло.

– Островский, у тебя все нормально? Выглядишь, как будто вернулся с похорон.

– Почти, – усмехаюсь я. – С развода.

– Ого. Разошлись? А чего так? Не выдержала свободных отношений или случайно узнала, что они у вас свободные?

– Да не знаю. – Пожимаю плечами. – Мы никогда друг друга не любили. Брак по расчету и все такое. Я женился на бизнесе ее отца. Ему надо было кому-то передать дело, сам понимаешь, девчонку жалко – сожрут. Да и Рогачев столько вложил в дело, что одна мысль о его развале могла его убить. А дочурка не унаследовала ни хватки, ни мозгов. Такая себе серая мышка с абсолютным отсутствием таланта к чему-либо. Там длинная история...

Я оценивающе смотрю на Глеба прикидывая, что можно ему рассказать, а что не стоит. Но потом вспоминаю, сколько лет мы были друзьями, и ощущаю абсолютное отсутствие желания врать и прикидываться.

Глеб терпеливо ждет. Он любит длинные истории.

– Короче, когда дочурке Рогачева было восемнадцать, я нажрался и трахнул ее. Она пожаловалась отцу, а тот не захо-

тел скандала. Точнее как, мы к тому времени уже почти заключили сделку, и я когда сидел с ним в переговорной, прямо видел в глазах борьбу бобра с ослом. Или отомстить за рыдающую деточку и похерить кучу бабла, или сделать вид, что все по плану – и породниться. В общем, Рогачев сказал ей, что она сама виновата и нехер крутить жопой перед пьяным мужиком, и если не хочет, чтобы ее опозорили на всю страну – пусть выходит замуж.

Глеб смотрит с недоверием, а я продолжаю:

– Повезло, что она была совершеннолетняя. И неспособная открывать рот. Я, если честно, даже не помню, пересекались ли мы в доме хоть однажды. Беспроблемная деваха, сидела себе в комнате, как мышка, тратила отцовские денежки на всякую фигню. А с Рогачевым мы неплохо сработались. Правда, год назад женушка объявила, что хочет развода. И тут же Рогачев слег с сердцем. Жена быстро сообразила, что весть о разводе и дележе имущества папа не переживет и прокрутила фарш назад, но-о-о...

Я усмехаюсь, вспоминая огромные глаза Авроры – я тогда чуть ли не впервые в них посмотрел.

Прочитал там много нового о себе.

– Ну?! – Глеб залпом замахивает еще один стакан.

– Рогачев умер и зачитали его завещание. Оно ей не понравилось.

– Да ладно...

– Тесть все оставил мне. Ей только всякие побрякушки и

все остальное. Компания, недвижка – все отошло мне и, как ты понимаешь, при разводе не делится. Тогда у Авроры снесло крышу, она потребовала развод и раздел имущества. Я пригрозил оставить ее с голой жопой на морозе, ибо делится не только бабло, но и кредиты, поэтому сошлись на любовном соглашении. Она получила четыре миллиона, я не стал вешать на нее свои половые трудности в бизнесе. Вот сегодня отдали заявление.

– Ох-ре-неть. Слушай. Ну ты-то в шоколаде, а чего Рогачев дочь оставил без бабла и квартиры?

Я отвечаю не сразу. Нас с отцом бывшей жены связывают пять лет совместного бизнеса. За такое время невозможно не изучить человека, его страхи и сожаления. Но мы никогда не касались личного. Я панически боялся разговоров о Наде, а Рогачев не любил вспоминать прошлое. Впрочем, кое-что иногда всплывало...

– Мне кажется, он ненавидел ее за смерть жены. И жену ненавидел за то, что так и не полюбила его. Такой знаешь обзленный мужик, у которого не сложилась личная жизнь. Красавица-жена, обязанная обожать его, презирала. Умерла, оставив с ребенком, который ему был не нужен. Да и сам ребенок, мало того, что напоминал о матери, так еще и вырос абсолютно бездарным и унылым существом. Как-то раз тесть бросил фразу... знаешь, дословно не воспроизведу, что-то вроде «Единственная польза от нее – привела нормального мужика».

– Слушай, жалко так-то. Ну нахуй такого папашу.

– Жалко, – соглашаюсь я.

Но на самом деле не чувствую ни жалости, ни каких-либо теплых чувств по отношению к бывшей. Она совсем не заслуживает ненависти, потому что не выбирала быть похожей на мать, и, отдавая себе в этом отчет, я ни разу не позволил себе обойтись с ней грубо, предпочитая по большей части игнорировать. Но и делать вид, будто мое большое доброе сердце сжимается от жалости к нелюбимой всеми серой мышке, я тоже не намерен.

Аврора Рогачева теперь в прошлом. Как и ее мать.

– Значит, тебя можно поздравить, – задумчиво произносит Глеб. – Ты теперь, Островский, свободный человек! Как оно, в статусе холостяка? Можно пить, курить, трахать баб и не ночевать дома.

– Как будто раньше это было запрещено, – хмыкаю я.

– Тогда предлагаю, во-первых, тост. А во-вторых, оттянуться за встречу. Ща допьем бутылочку и спустимся вниз. Посмотрим шоу и шоты.

– Каренин, по-моему, я уже стар для шоу и шотов. А ты вообще помолвлен. Не боишься, что невеста что-нибудь открутит?

– Моя? – Каренин довольно ржет. – Я не уверен, что она вообще в курсе, за что у мужика можно подержаться. Поэтому пусть не жалуется. Благодаря легкомысленным женщинам моя любовь к невесте остается чистой и непорочной.

В отличие от меня, Каренин ни по какой любви из прошлого не страдает. Он вообще не склонен к самокопанию. Берет от жизни все, что захочет и всех, кого захочет. Мы из разных миров, но нас связывает нечто куда более важное, чем моральные принципы. Как-то повелось, что у каждого они свои.

– Уломал, пошли, – легко соглашаюсь я, потому что из альтернатив только унылый вечер дома наедине с работой. – Но сначала что-нибудь сожрем. Для шоу я, может, и не стар, но клубного меню моя поджелудочная точно не выдержит.

Алкоголь, громкая музыка, полуголые танцовщицы – не совсем мой способ проводить досуг, но, надо признать, общая атмосфера действует как легкий наркотик. Мы одними из первых снимаем вип-ложу. Народу, несмотря на ранний час, прилично, клуб считается одним из неплохих и недешевых. Каренин планомерно накачивается алкоголем, но, к счастью, приятель способен контролировать себя даже с такими промилле в крови, при которых нормальные люди уже впадают в кому. А я лениво потягиваю виски и размышляю, хочется ли мне сегодня секса.

День выдался суматошный, но завтра относительно свободно и, пожалуй, я не против поразвлечься. Осталось найти того, кто организует жаркую ночь без последствий и разговоров.

– Каренин, – кричу я, пытаюсь быть громче, чем музыка, – знаешь, кто здесь за баб отвечает?

Жестом Каренин показывает куда-то в сторону технических помещений. Шоу набирает обороты, и разговаривать уже почти невозможно.

– Пошли к управляющему. Нормальный мужик. Найдет самую лучшую.

Мне не надо лучшую. Я уже знаю, какую хочу.

В коридоре тихо и безлюдно. Весь персонал в зале, клуб, кажется, набит битком. Мы с Карениным проходим мимо одинаковых дверей без табличек и, наконец, останавливаемся перед самой последней.

– Артемьев, ты тут? – Глеб стучит, получает «войдите», и мы оказываемся в небольшом темном кабинете, заваленном бумагами.

– Глеб Кириллович! – сияет управляющий. – Добро пожаловать! А что же вы не позвонили?

– А инспекция будущего владельца. Тайный покупатель, хожу по всем вашим богадельням и думаю: оставить или гнать к чертовой матери?

Управляющий бледнеет, пытается что-то лепетать, но Глеб жестом заставляет его умолкнуть.

– Ладно, засунь в жопу свое лопотание, не до тебя. Будь другом, Артемьев, найди пару девочек посговорчивее и посимпатичнее. Только нормальных, понял? За приватный танец рыженькой заплачу по тарифу приватного минета. А приятелю чтоб самую ебательную нашел. И без комплексов.

– Конечно, Глеб Кириллович. Дайте мне несколько минут.

У вашего друга есть какие-то... пожелания?

– Шатенку. Невысокую. Стройную. Давай без гигантских сисек и надутых губ. Найди там самую натуральную, хз, остались они вообще на этом свете...

Аврора

– Девочки, в этом платье я похожа на девицу легкого поведения!

– Не выдумывай, ты похожа на шикарную девицу! – отмахивается Рита.

Я нервно одергиваю короткое блестящее платье, испытывая огромное желание сбежать из клуба как можно дальше. Из зеркала в холле на меня смотрит нечто странное вместо привычной Авроры. Нет, в мечтах я надеялась, что буду выглядеть иначе: ярче, красивее, так, как умеют многие девушки двадцати с лишним лет. Мне хотелось и потанцевать, и покрасоваться. Но, кажется, мир тусовок и клубной музыки – не совсем мое.

Платье очень короткое, оно открывает не только колени, но и почти не скрывает бедра. Верх довольно скромный, даже, я бы сказала, офисный, разве что отсутствие рукавов немного напрягает. А вот низ... он буквально усыпан серебристым бисером. Кокетливая бахрома щекочет голые ноги. Мне кажется, я неуклюже ковыляю в туфлях на огромных шпильках, но Инна ободряюще кивает:

– Ты круто выглядишь! Только прекрати все время одергивать платье и распрями плечи!

– Не знаю... вон, смотри, есть девчонки и в джинсах... я не умею носить платья!

– Ну ты и зануда, – морщится подруга. – В джинсах нормальные бабы не веселятся. Их снимать сложно.

– Идемте вон туда, – Инна тащит нас к дальнему диванчику, – прямо напротив вип-ложи. Вдруг попадется симпатичный миллионер?

У меня едва не вырывается «кто угодно, только не миллионер!», но я прикусываю язык. Надо относиться ко всему проще. Надо относиться проще! Мы только потанцуем, пофоткаемся, выпьем – и домой. Это не страшно, это делают все девчонки моего возраста.

– Извините, девушки, – к нам подходит официант, – это депозитный столик. Чтобы его занять, нужно внести двенадцать тысяч рублей. Могу я попросить вашу карту или наличные?

Лица подруг расстроено вытягиваются.

– У меня налом столько не-е-ет, – тянет Рита. – А через СберОнлайн по телефону можно перевести?

– К сожалению, нет. – Официант качает головой.

– Придется толпиться у бара, – вздыхает Инна.

Я судорожно оглядываюсь на толпу у барной стойки. От мысли, что придется всю ночь простоять там в ожидании свободного стула, прошибает холодный пот, и я быстро лезу в сумочку за карточкой.

– Вот, возьмите. Мы берем столик.

– Что желаете выпить для начала? Может, наш фирменный коктейль?

– А несите! – заливисто хохочет Рита.

– Завтра с утра все тебе вернем, – кивает Инна. – Как хорошо, девчонки! Как давно я не отдыхала! Так, Рита, ты – на страже бухла, а мы с Авой идем танцевать. Потом поменяемся.

Инна совсем бесстрашная. Она тащит меня в самую гущу толпы, где в мешанине ярких фигур сложно рассмотреть какого-то конкретного. Музыка такая громкая, что я чувствую ее вибрацию всем телом. Мы танцуем – хотя это больше напоминает ритмичные подпрыгивания – дурачимся и наслаждаемся моментом. Шампанское во мне легко настраивает на нужный лад. Ноги гудят уже спустя две песни, но, к счастью, мы возвращаемся за столик, где Рита уже пробует коктейль и выбирает закуски.

– Девочки, на двенадцать тысяч мы здесь ужремся в дрова!

– У нас есть отличный повод!

Чтобы слышать друг друга, приходится кричать. Мне кажется, на тосты Инны и Риты сбежится весь клуб, но здесь каждый занят собой и своей компанией. К нам лишь изредка подходят подвыпившие парни, но, встречая небрежный жест рукой от Риты, быстро пропадают. Охрана, к счастью, бдит, чтобы никто не нагнул, и быстро выпроваживает дебоширов.

Коктейли сменяют один за другим. Они яркие, вкусные, и

с каждым новым бокалом мне все легче и легче. Я почти не чувствую обиду на отца за то, что зять оказался роднее дочери. Я почти не чувствую злости на бывшего мужа. Я просто полна решимости жить, брать от жизни все, что было недоступно раньше. Выкарабкаться, стать независимой и самостоятельной. Назло всем, кто считал меня тенью фикуса в огромном доме.

– За то, чтобы больше никогда не видеть бывших!

Этот тост я с удовольствием поддерживаю.

– За новую любовь!

Мысленно добавляю «не в ближайшее время».

– За то, чтобы тебе, Ава, встретился мужик, который будет тебя гобовторить... ой, то есть боговторить... нет, боготворить, во!

Между очередным заходом на коктейли к нам снова подходит парень. На этот раз он не пьян (ну или по сравнению с нами не пьян – я уже не очень понимаю, в каком состоянии окружающий мир), вполне симпатичен и довольно дорого одет. Ко всеобщему удивлению, парень обращается ко мне:

– Привет, может, потанцуем, познакомимся?

Рита и Инна делают круглые глаза и хором кивают, но у меня от мысли, что придется выйти на танцпол, к горлу подкатывают «Дайкири», «Космополитан», «Секс на пляже», «Текила санрайз» и еще парочка коктейлей.

– Прости, я не танцую. А вот подружки – крутые!

Рита и Инна тотчас перестают корчить мне злые рожи и начинают улыбаться парню.

– Да не вопрос, девчонки, айда веселиться, сейчас я вас с другом познакомлю, почиллим с нами в вип-зоне.

Вожделенные диванчики на втором этаже, куда пускают только самых обеспеченных гостей, для Риты и Инны как лакомый кусочек. Кажется, они вмиг забывают, что я с ними. Сначала я надеюсь, что они вернуться, но вскоре начинаю жалеть, что не пошла с ними. Ни одна не отвечает в чате и не берет трубку, а мне неуютно среди стремительно накидывающейся алкоголем толпы. Что я должна сделать? Уйти, никого не предупредив? Разыскать их?

– Как можно быть такой беспомощной? – стону я.

Интуиция подсказывает, что девчонки не вернуться, и мне немного обидно. Наверное, так правильно: отрываться, не думая ни о чем, знакомиться с парнями. Но я не хотела оставаться одна, а теперь, несмотря на толпу вокруг, чувствую себя еще более одиноко, чем в номере отеля.

В зале душно, яркие вспышки света слепят, а от музыки и выпитых коктейлей кружится голова. Я чувствую не просто желание, но необходимость умыться, поэтому поднимаюсь, пошатываясь, и бреду к туалетам. Там, к счастью, свободно, и я долго плещу в лицо ледяной водой. Приходится признать: я пьяная. До такой степени, что единственное желание, на котором может сосредоточиться мозг, это добратсья до постели и отрубиться.

Как же хорошо, что я остановилась в этом же отеле! Всего лишь подняться в лобби, прошмыгнуть мимо охраны и ресепшена, сгорая от стыда, и на лифте подняться к себе. А там: чистые простыни, прохладный номер, вид на ночной город и здоровый сон. Ну и новый день, само собой. Хочется верить, но уже не получается надеяться, что без похмелья.

Девчонкам напишу смски и продублирую все в чат – решаю я и медленно, чтобы ненароком не поскользнуться на плитке, бреду по коридору к выходу.

Вот только это кажется совсем не выход, и ровно в тот же момент, когда я с ужасом понимаю, что заблудилась, из-за какой-то двери выбегает взмыленный мужчина в костюме.

– Извините, я немного заблудилась...

Я пытаюсь говорить ровно и трезво, но это слабо получается. Щеки заливают краска.

– О, – хмыкает мужик, оглядывая мое платье, – точно заблудилась. Похоже, тебя я и ищу. Зовут как?

– Аврора...

Он фыркает и закатывает глаза.

– Ну и псевдонимчик. Любите вы пыль в глаза пускать. Пошли, покажу, куда идти. Ты что, напилась?

– Я... простите, я в первый раз и немного не рассчитала...

– Да ладно теперь уж. Там тоже не трезвенник.

Мой пьяный мозг не способен думать, и почему-то я решаю, что этот мужчина – охранник, задолбавшийся выводить пьяных заблудившихся гостей. Наверняка не я одна

здесь такая хорошенькая. А вот глупая, полагаю, все же единственная.

Пока мы идем куда-то мимо однотипных дверей, я пытаюсь нащупать в сумочке ключ-карту от номера, но практически в полной темноте, еще и на ходу, это сделать сложно. Когда мой сопровождающий останавливается, я от неожиданности едва на него не налетаю. Ага! Карточка попадает под руку, но при первом же взгляде я понимаю, что это лишь кредитка.

Так, в то время как я копаюсь в недрах сумочки, меня бережно, но настойчиво подталкивают к двери, а потом она закрывается. И это точно не выход.

Это комната с отвратительным, режущим глаза, неоновым светом и огромной круглой кроватью, над которой на массивных цепях нависает странная конструкция, более уместная в музее средневековых пыток, нежели... где? В номере отеля?

От яркого света и музыки, чуть менее громкой и ритмичной, чем в зале, но какой-то гипнотической, снова кружится голова. Чтобы не упасть, я пытаюсь опереться на стенку, но вдруг чувствую под пальцами горячую кожу, рельефную мужскую грудь и несколько ударов сильного сердца.

Прежде, чем я успеваю что-то сказать или рассмотреть человека, в чей номер я по ошибке завалилась, он притягивает меня к себе. Стальные пальцы смыкаются на плече, а свободной рукой мужчина откидывает волосы с моей шеи и при-

касается губами. Горячий, совсем не нежный поцелуй-укус прямо в особенно чувствительном месте на загривке, от которого по коже идут мурашки.

Только вовсе не от наслаждения. Я настолько не ожидала подобного, что цепенею, снова возвращаясь в события пятилетней давности. Как будто кошмар вернулся, в несколько раз более реалистичный, чем обычно. У этого кошмара есть запах, который я узнаю в любом парфюмерном магазине среди тысяч ароматов в воздухе.

– Отпустите меня... – наконец способность хоть как-то двигаться и говорить возвращается.

Но то ли мужчина не слышит, то ли не пытается услышать. Он собирает мои волосы в руку, заставляя прогнуться в талии. В поисках опоры я до боли впиваюсь ногтями в стену. Рука проходится по моим бедрам, к краю платья, поднимая его, обнажая горящую огнем кожу. Я пытаюсь вырваться, но каждое движение отдается болью: незнакомец слишком крепко держит волосы.

Он толкает меня к постели, разворачивает, своей тяжестью вынуждая опуститься на холодный (он кажется мне ледяным) матрас. От ужаса я забываю, как дышать, но зато вспоминаю, как бороться. Тогда, в восемнадцать, я не умела сопротивляться. Я могла лишь ждать, когда Островский закончит и выпустить меня из личного ада. Тогда мне было что терять – я так думала.

И сейчас я не сражаюсь с подвыпившим мужиком в вип-

комнате ночного клуба. Я возвращаю долг бывшему мужу, его образу из страшных снов. Мне уже нечего терять, меня предал единственный человек, которого я называла семьей – мой отец. Злость на него придает силы. А знание, что ни одна живая душа не всплакнет об Авроре Островской, если эту битву я проиграю, толкает идти до конца.

Поэтому я сопротивляюсь, как дикая кошка. Пускаю в ход ногти, зубы. Во мне почти нет силы, но все же удержать меня – задача не из легких. Впрочем, мужчина ошеломлен лишь поначалу, довольно быстро он фиксирует меня на постели, навалившись всем весом, сжав запястья у меня над головой.

Тогда я просто кричу.

Так, как должна была кричать тогда, но не смогла, лишившись голоса и... свободы на долгие пять лет.

Очередная вспышка света озаряет лицо мужчины. Мне кажется, он даже похож на Виктора, и на секунду я почти верю в то, что это какой-то изощренный ночной кошмар ошалевшего от дозы алкоголя сознания.

А потом я слышу знакомый голос, с легкой хрипотцой, с нотками металла:

– Какого хрена ты здесь делаешь?!

Глава третья

Виктор

Я бы подумал, что свихнулся, если бы не очень четкое ощущение реальности.

Ненавижу шлюх.

Не в том смысле, что испытываю к ним какие-то негативные эмоции, осуждаю или порицаю, просто трахать не люблю. Продажные девицы – отдельно, я – отдельно. Хотя жизнь научила, что любая принципиальная скромница может стать продажной, вопрос в цене. По большей части я предпочитаю хотя бы иллюзию взаимного влечения, эдакий ритуал маскировки платного секса под ухаживания. Но иногда нет ни времени, ни сил на флирт. Только острое желание самой обычной физической разрядки.

Поэтому реакция тела на девицу, явившуюся в номер, откровенно удивляет. До сих пор я считал, что желание не способно вспыхнуть от одного вида каштановых кудрей или стройных ножек, обтянутых дешевым блестящим платьем. Но едва она вошла, я понял, что хочу.

У нее, черт возьми, даже запах был возбуждающим!

А потом наваждение пропало. Вместо хорошего оргазма создание с кудрями подарило мне несколько царапин, следы зубов на руке и, кажется, новую фобию. Интересно, как называется боязнь проституток? Бабочкафобия? Шлюхофо-

бия? Путанобоя? Надо будет загуглить.

Я смотрю на нее, продолжая сжимать тонкие запястья, чувствую почти болезненную неудовлетворенность и все жду, что проснусь. Ибо последняя девушка, которую я ожидаю обнаружить в своей постели – это бывшая жена.

Как будто мироздание издевается, услужливо восстанавливая в памяти ночь, которая напрочь стерта. Будто мне суждено увидеть ее огромные испуганные глаза и застывшее на лице выражение обреченной решимости.

– Не-не-не, я второй раз на эту хрень не поведусь! – вырывается у меня.

Аврора снова пытается вырваться, но я пока не уверен, что готов ее отпустить. Она что, пьяна?

Черт, а почему я-то готов рвать и метать из-за того, что желанным лакомством оказалась именно эта девчонка?

Накатывает злость. На нее, за то, что ведет себя, как малолетняя оторва. На себя за то, что не могу успокоиться. Член каменный, сердце все еще не успокоило ритм, а ее запах все еще пьянит сильнее виски.

Блядь.

– Вставай! – рычу я и за шкурку, как котенка, поднимаю ее на ноги.

Твою мать, да она еле соображает!

– Это ж как надо было нахуяриться, чтобы оказаться под незнакомым мужиком!

Хотя я знакомый, но вряд ли она целенаправленно шла

отблагодарить меня за четыре лимона отступных. Хотя было бы неплохо...

– Леха, подгони машину, – звоню водителю. – Да, домой. Через минуту на паркинге.

Эта идиотка едва держится на ногах, но все пытается что-то вякать. Я поклялся больше не пересекаться с бывшей женой, но сейчас не имею никакого желания выяснять, где она теперь живет. Жаль, что оставить ее здесь, чтоб половина клуба поимела – неуважение к ее отцу, который сделал меня тем, кто я сейчас.

Но как же она получит у меня утром!

В машине пыл Авроры утихает. Полагаю, исключительно потому что быстрая езда и пьянка – несовместимые для вестибулярного аппарата понятия. От меня не укрывается, как она вжимается в угол машины, и внутри даже шевелится что-то, очень отдаленно похожее на жалость. Мне пиздец как интересно, что она забыла в вип-комнате, что-то подсказывает, что вряд ли ее там ждал пылкий любовник – разгоряченная и готовая на все пьяненькая девочка бы так отчаянно не сопротивлялась. Даже любопытно, какие-такие обстоятельства привели Аврору-катастрофу в мои лапы.

Я злюсь. Хочу убедить себя, что на нее, но в итоге признаю, что все же на себя. За то, что не сдержался, за то, что захотел. И самое главное: за то, что все еще хочу. Я так старательно избегал ее все годы совместной жизни, что почти убедил себя: схожесть с Надей совсем не трогает. Я всего лишь

допустил досадную ошибку, поддался эмоциям и тоске, но на самом деле при виде Авроры внутри ничего не отзывается. В это было легко поверить, и с разводом я даже выдохнул. А сейчас приходится признать: отзывается.

Так отзывается, что часть меня жалеет, что не трахнул ее ни разу за годы совместной жизни.

Откат от всплеска эмоций и выброса адреналина накрывает Аврору в лифте. Ей уже давно не хорошо, а плохо, и сейчас станет еще хуже, но у меня нет желания заботливо держать её хвостик, пока она блюет. Пусть скажет спасибо, что я привел ее к себе, а не отправил прокапываться в наркологию. Как быстро мой принцип “никогда не приводить баб в квартиру” оказался отодвинут в сторону.

Я купил этот пентхаус, едва Аврора заикнулась о разводе. Всегда мечтал о таком жилье: лаконичном, минималистичном, напичканном снизу доверху техникой. Почти космический корабль на пятьдесят пятом этаже. Скоростной лифт несет нас на самый верх и, надо думать, не добавляет Авроре приятных ощущений. Даже у меня закладывает уши, как при взлете.

Бывшая прислоняется лбом к дверям лифта и едва слышно бормочет:

– Холодная стена-а-а...

Меня совсем некстати разбирает смех. Она и вправду что ли нажралась впервые?

– Стена холодная. И дви-и-ижется?!

– Это называется лифт! – Я уже не могу не ржать.

Вытаскиваю ее из лифта и прислоняю к стенке, как ковер в рулоне, в ожидании пока замок считает мой отпечаток и отключит сигнализацию. Охрана наверняка развлекается, наблюдая за камерами.

Один существенный минус: в квартире только одна спальня. Я сделал себе кабинет, спортзал, даже небольшой бассейн с видом на город, но совершенно не планировал селить туда гостей. Несколько минут я размышляю, что мне дороже: диван в гостиной или кровать в спальне, но в итоге прихожу к выводу, что лучше эту звезду закрыть в отдельной комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.